

Многовекторность и перевооружение в Азии

В нашем анализе мы всегда рассматривали Азию как «царство многополярности». Азиатского аналога Ялтинской конференции, которая одновременно разделила и скрепила Европу, не существует; победитель в лице США не смог предотвратить неравномерное развитие империализма в Азии. Неслучайно именно Азия, на которую приходится четверть, а возможно, и треть мировых военных расходов, является точкой наибольшей концентрации напряжённости в условиях *кризиса порядка*. Неслучайно и то, что изменения в отношениях между державами наиболее заметны именно в этом регионе. Чжао Хуашэн из шанхайского Института международных исследований Фудань считает Китай, Россию, США, Европу, Индию и Японию ключевыми игроками в глобальной системе. Институт, которым руководит У Синьбо, включает в себя Центр американских исследований, основанный в 1985 году. Он является частью сети китайских аналитических центров, которые комментируют текущую внешнюю политику, выражая как реальные политические линии, так и академический подход. Включение Индии и Японии в число великих держав свидетельствует о многополярной позиции института. По мнению Чжао, шесть держав взаимодействуют не только в двусторонних отношениях, но и во «множестве трёхсторонних или четырёхсторонних отношений». Шестиполярная система позволяет Китаю создавать достаточно комбинаций для уравнивания своего соперника в лице с Соединённых Штатов. В настоящее время «стратегический арьергард» в лице Москвы гарантирует наибольшее преимущество в случае внешних кризисов. Однако само собой разумеется, что отношения между Европой и Японией, а также между ними и Индией также демонстрируют «определённую степень» стратегической автономии от США, расширяя возможности Пекина.

Чжэн Юннань – плодовитый автор из филиала Китайского Университета Гонконга в Шэньчжэне и теоретик инклюзивного многостороннего подхода. Он считает, что в вопросах фундаментальных отношений между Китаем и Соединёнными Штатами державы могут занимать различные позиции: «Одни наблюдают за борьбой драконов и тигров, чтобы извлечь из этого выгоду, другие демонстрируют свою лояльность сильным мира сего, третьи тайно саботируют, чтобы обрести власть, а четвёртые разжигают споры, чтобы замутить воду. За сложностью мира кроются точные расчёты разных стран».

По-своему и в типично китайской терминологии этот отрывок напоминает о том, что державы могут «создавать», «ослаблять», «использовать» или «игнорировать» союзы перед лицом появления нового конкурента, как было описано Арриго Черветто в 1982 году. Появление нового хищника в системе государств теоретически ставит всех остальных в невыгодное положение, но на практике одни выигрывают больше других, меняя свои позиции. Проблема в том, что изменения в союзах каждой державы неизбежно отражаются на взаимоотношениях между всеми остальными. Китай, по словам Чжэна, должен постоянно взвешивать множество сигналов и нюансов. Он обнаруживает их в изобилии в азиатском балансе сил. Премьер-министр Индии Нарендра Моди перед тем, как принять участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Тяньцзине, нанёс визит Токио. Многие комментаторы видят в этом признак того, что в Азии существует многополярность. Для Раджи Мохана, старейшины индийской многовекторности, поездка Моди в Китай стала ответом на «неожиданную напряжённость» в отношениях с Вашингтоном, вызванную 50 %-ными пошлинами, наложенными США на Индию; однако было бы «ошибочно» игнорировать визит в Токио. Хотя ущерб, нанесённый Дональдом Трампом индийско-американским отношениям, значителен, индийская многовекторность не может сводиться лишь к противодействию Пекину. «Индия хотела бы укрепить свою независимую роль в Азии, создав пространство для более широкого стратегического сотрудничества с Японией». Лун Синчунь, президент Chengdu Institute of World Affairs (CIWA) (Сычуань), предполагает возможную трансформацию Quad – квартета, состоящего из Индии, США, Японии и Австралии, созданного для сдерживания Китая. Индия, пострадавшая от пошлин, не откажется от него, а воспользуется им для сближения с японской метрополией. Это может привести к эволюции, аналогичной той, что произошла с Транстихоокеанским партнёрством (ТТП) – соглашением, от которого отказался Трамп, фактически передав

лидерство Японии: Quad, подорванный торговой войной США с союзниками, всё ещё может быть полезен для Дели и Токио. Эта гипотеза широко поддерживается в индийских дебатах, часто подпитываемых бывшими дипломатами и учёными.

Global Times цитирует заявление Санчари Гоша из Джадавпурского университета (Калькутта). Диалог по безопасности между Индией, Японией и Австралией (IJA) оставался в тени Quad, но непредсказуемость США выявила «общую потребность [этих стран] в стратегической автономии по отношению как к Вашингтону, так и к Пекину». «Трёхсторонний» формат будет отдавать приоритет региональной стабильности, предлагая азиатским «средним державам» альтернативный путь к противостоянию сверхдержавам. «Даже если Вашингтон изменит курс, заключит соглашение с Пекином или прибегнет к протекционизму, у Индии, Японии и Австралии всё равно будет фундамент для дальнейшего развития». Во время визита Моди Япония пообещала удвоить экспорт капитала в Индию в обмен на согласованные потоки квалифицированной индийской рабочей силы. Хэппимон Джейкоб из Университета им. Джавахарлала Неру (Нью-Дели) считает, что «управление сложностью и непредсказуемостью американо-китайских отношений в Индо-Тихоокеанском регионе» является истинным приоритетом японо-индийского «стратегического сближения».

Две державы, заинтересованные в обеспечении безопасности цепочек поставок, должны сотрудничать с Австралией и Индонезией в рамках «азиатского Quad» для поставок критически важных полезных ископаемых. Экономические и военные связи региона послужат опорой против ненадёжности обязательств США в Азии. Индии необходимо развивать несколько каналов. Связь с Японией всё ещё может проходить через Quad. По мнению Шьяма Сарана, бывшего министра иностранных дел при Манмохане Сингхе и советника по вопросам безопасности Моди, «трёхсторонний» договор между Индией, Японией и Австралией мог бы стать ядром отношений с Юго-Восточной Азией.

Стратегические дискуссии в Дели, возможно, более содержательны, чем реальные возможности индийской державы. Однако дело в том, насколько расширяется поле деятельности Индии из-за неспособности США поддерживать баланс сил. Харш Пант, вице-президент нью-делийского фонда Observer Research Foundation (ORF), основанного семьёй Амбани, но близкого к МИД, считает, что, участвуя в ШОС и встречаясь как с Си Цзиньпином, так и с Владимиром Путиным, Моди заявил о своей многовекторности по отношению ко всем крупным державам. Это логично включает в себя и возобновление торговых переговоров с ЕС, которое было преднамеренно начато после саммита ШОС. Всего за несколько недель торговая война стала катализатором движения Индии в сторону Японии, Китая, России и Европы. «Полезная оттепель» в отношениях с Пекином была, по мнению Джейкоба, вынужденным шагом, учитывая «тревожное отсутствие серьёзности» в Вашингтоне. По мнению Виджая Кешава Гокхале, бывшего посла в Китае и министра иностранных дел при Моди, Пекин воспользовался торговыми переговорами Трампа, чтобы заключить Дели в неловкое китайско-индийское «танго», но Индия также должна воспользоваться ими, чтобы привлечь китайский капитал, а также японский и, возможно, европейский, и повлиять на США. Тактическое сближение Моди и Си является частью более широкой тенденции и возрождает дебаты об открытости по отношению к Китаю, поддерживаемые экономическими кругами исполнительной власти, а также течениями в промышленном и банковском секторах субконтинента. По данным Института Азии Университета Гриффита (Брисбен), с 2013 года Китай инвестировал в Шёлковый путь 1,3 трлн долл., треть из которых – в энергетические проекты. Эти инвестиции значительны как в Центральной Азии, являющейся периферией России, так и в Южной Азии, соседствующей с Индией. Неизбежно, что предложение провести новую Бандунгскую конференцию и дополнить её китайским капиталом и рынком найдёт отклик и в Дели. Это, безусловно, беспокоит Токио, у которого есть капитал, но нет континентального рынка для азиатской промышленности, хотя мощь импорта Страны восходящего солнца по-прежнему составляет треть от китайской. Более того, предложение Пекина беспокоит и Москву, которая фактически бессильна перед лицом экономического проникновения Китая в Центральную Азию и вынуждена принять его условия удвоения поставок энергоносителей на Восток с помощью трубопровода «Сила Сибири – 2», находясь в положении, когда связи с Западом практически полностью разорваны, а за отношения с Югом, то есть с Индией, приходится

платить высокую цену. Когда Ленин заявлял, что раздел происходит «по капиталу», он подчёркивал проблему, которая является неизбежной и весьма актуальной в современных азиатских отношениях. Её проявления необходимо анализировать со всех сторон: экономической и внеэкономической, политической и военной. Практически все соседи Индии присутствовали на саммите ШОС. Посетив Токио до Тяньцзиня и отказавшись от участия в военном параде в Пекине два дня спустя, Моди обозначил свою дистанцию как от Китая и США, так и от Азии. На параде, посвящённом 80-летию окончания второй мировой войны, присутствовали 11 из 14 соседей Китая, 6 из 8 соседей Индии и 5 из 5 западных соседей России. Из Тяньцзиня Китай призвал к реформе глобального управления, подорванного недопредставленностью «развивающихся» стран и отказом США от многосторонних соглашений. Некоторые увидели в этом истинное рождение «глобального Юга», учитывая присутствие Индии и политическое утверждение Китая как центра влияния, альтернативного Соединённым Штатам, причём вооружённого центра влияния. Военный парад Пекина подтверждает, что азиатский гигант в значительной степени является непризнанным родоначальником послевоенного порядка, который понёс потери в 35 млн крестьян и рабочих, убитых в войне с Японией с 1931 по 1945 год. Это сопровождается – в качестве гарантии инклюзивных отношений с «глобальным Югом» – военным сдерживанием, адекватным времени или по крайней мере соразмерным Вашингтону, с перспективой на 2035 год. В политическом плане перевооружение Китая трансформируется в военную надёжность его сферы влияния и, следовательно, в предоставление военных гарантий реформированному порядку. По иронии судьбы, бронированный, высокотехнологичный Дракон представляет собой лекарство от кризиса порядка, хотя он и является его истинной движущей силой. Ещё более значима тревога *Japan Times* по поводу «легитимности» китайских обвинений в адрес старого порядка и их азиатского резонанса. На параде присутствовали Южная Корея, Малайзия и секретариат АСЕАН. Президент Индонезии Прабово Субианто прилетел в Пекин во время социально-политического кризиса, приведшего к перестановкам в кабинете министров в Джакарте.

Дино Патти Джалал, бывший посол Индонезии в Вашингтоне и заместитель министра иностранных дел, считает, что «Соединённые Штаты десятилетиями играли центральную роль, но теперь это позади, и регион рассматривает Китай как сверхдержаву». Однако не было никаких гарантий, что Вашингтон ускорит азиатские движения. США отреагировали на свой упадок с «удивительной» агрессивностью и скоростью, но недооценили стратегическую ценность, приписываемую «уважению» со стороны азиатских партнёров, – то, что невозможно навязать и что было бы наивно недооценивать. На карту поставлена легитимность Соединённых Штатов как державы, которая способна указывать стратегическое направление в меняющемся балансе сил.

Перспектива ближайших десятилетий – появление «множества средних держав», чья самостоятельная инициатива будет способствовать формированию нового мирового порядка. Индонезия как «балансирующая держава» окажется «в многосторонней конфигурации с множеством вариантов, которая ей очень подходит»: Джакарта заключит союзы с «опорными» державами Азии – Индией и Японией – и наладит отношения с ЕС. Торговое соглашение между ЕС и Индонезией, как и торговое соглашение между ЕС и Индией, станет вторым шагом на пути к перезапуску после саммита ШОС. Мы предсказывали, что непреднамеренные последствия трампизма будут многополярными. После заключения соглашения с МЕРКОСУР Европа, перевооружаясь, движется в направлении серии стратегических соглашений, нацеленных на Индонезию, Индию и Японию. Азия перевооружается и смотрит в сторону других стран. С 2017 года, когда Пекин запустил свою военную программу, расходы на оборону в Индии и Индонезии, по данным SIPRI, ежегодно росли на 3 %, а Японии – на 6 % по сравнению со среднесрочной «нормой» Китая в 5 %. Азия – это область многовекторности. Перевооружение Азии будет идти по многим направлениям.

Сентябрь 2025 г.